

В.В. Мароши

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИМПЕРСКИХ ПРОЕКТАХ: ФАНТАСТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА, ФОЛК-ХИСТОРИ

В статье рассматриваются различные варианты диалога и полемики с историческими концепциями евразийцев и неоевразийцев в современной отечественной литературе и публицистике. Анализируются лирика и поэмы В. Берязева, романы В. Рыбакова и И. Алимова, П. Крусанова и С. Волкова, повесть В. Отрошенко, историческая публицистика Г. Носовского и А. Фоменко, А. Бушкова. Отношение к Великой монгольской империи варьируется в диапазоне от преемственности до полного отрицания самой исторической и географической реальности ее существования. Могущественным соперником этой империи в возможности влияния на альтернативное прошлое или будущее России в художественной литературе становится Китай.

Ключевые слова: Евразия, империя, русская, монгольская, альтернатива, современная, литература.

В 1920-х гг. русскими эмигрантами-«евразийцами» (Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Г.В. Вернадским, Э. Хара-Даваном) была выдвинута гипотеза о преемственности Российской империи по отношению к географическому пространству, государственному и юридическому устройству Великой Монгольской империи (монг. Их монгол улс, Еке монгол улус). Так, Н.С. Трубецкой в «Наследии Чингис-хана» (1926) видит в монгольском завоевателе скорее объединителя евразийского континента: «Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было одинаково ясным. С течением времени единство это стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» [1. С. 182]. История классического эмигрантского евразийства, как известно, закончилась в 1930-х гг.

В советской историографии и историческом романе преобладала традиционная для дореволюционной России «антимонгольская» (татаро-монгольское иго) и «античингисхановская» тенденция, наиболее сильно выразившаяся в знаменитой трилогии «Нашествие монголов» (1939–1955) В. Яна. Тема становления новой империи для В. Янчевецкого была глубоко личной, если доверять рассказу самого писателя о «видении» ему жестокого завоевателя во время путешествия в иранской пустыне. Однако в первом романе трилогии «Чингисхан» (1939) по крайней мере намечена его возможная роль как объединителя: «У урусов много ханов; называются они по-ихнему «коназ». И все эти ханы – «конази» – между собой грызутся, как собаки из разных кочевий. Поэтому разгромить их будет нетрудно. Никто не собрал этих «коназей» в один колчан, и нет у них своего Чингисхана» [2. С. 151].

Следующим большим этапом в эволюции этого течения было евразийство Л.Н. Гумилева, которое, в отличие от эмигрантов, представляло собой научно-исследовательскую концепцию без выхода в политику. По Гумилеву, средневековая Москва преодолела междоусобицу Киевской Руси, поэтому в конце XIV – начале XV в. возник новый российский (или «евразийский») суперэтнос на основе слияния славян, татар, литовцев и финно-угорских народов. Инициатором этого исторического импульса стал Александр Невский, который уже тогда предпочел союз с ордой, сохранив тем самым духовную самобытность своего народа. Гумилев выдвинул ничем не подтверждаемую гипотезу о братании Александра со старшим сыном Батыя Сартаком: «В 1252 г. Александр приехал в Орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана. Союз Орды и Руси осуществился благодаря патриотизму и самоотверженности князя Александра» [3]. Забегая вперед, заметим, что в современной российской фантастике именно это историческое событие становится отправной точкой сюжета «исторической альтернативы» в виде создания нового евразийского государства Ордусь в цикле романов В. Рыбакова и И. Алимова «Евразийская симфония».

С начала 1990-х гг. начинается третья стадия в эволюции евразийства – неоевразийство, которое оформилось в ряд полемизирующих друг с другом течений и даже вновь стало претендовать на место в политическом поле. Наиболее ярко в плане не научной аргументации, а скорее поэтической риторики оно проявило себя

в публицистике А. Дугина. В ситуации тотального кризиса и распада советского общества и государства он попытался придать понятию Евразии более широкий геополитический смысл: для него это будущий поликонфессиональный и полиэтнический континентальный союз народов и стран, империя, равной которой история не знала.

Чингисхан в евразийских манифестах Дугина предстает носителем не только объединяющего пространственного вектора и пассионарного порыва, но и вселенского тенгрианского начала Неба:

В отличие от всех остальных частей империи Темучина только северный сектор Кипчакского царства сохранил и развил изначальный импульс. И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам “Белый Завет”, новую этику, новую весть, новый порядок. <...> И само Московское Царство, и Романовская Империя и даже Советский Союз демонстрируют нам разнообразные версии Руси Монгольской, чингисхановской, развитие, расширение и укрепление единой монголосферы, явственно проступающей сквозь внешние оболочки и разнообразные идеологические самоидентификации. Подчас отступая временно, на каждом новом витке геополитическая миссия Москвы становилась все более масштабной и вселенской. Наблюдение за историей евразийских пространств показывает нам следующую закономерность — после великого начала Чингис-хана все евразийское пространство, вся монголосфера, давно превзошедшая монголов как этнос, обязательно стремится к интеграции, к единству, к новой консолидации и возрождению. Эстафета переходит от одних секторов континентального пространства к другим, оформляется разнообразными мировоззренческими доктринами, но процесс никогда не затухает окончательно. Высокое Синее Небо продолжает упорно делать свое дело, внушая сынам земли отважные и дерзкие замыслы, будоража их древнюю кровь, подвигая на новые свершения и победы.

Сегодня в истории Евразии драматический период. Распад СССР, роспуск Варшавского Договора напоминает события XIV в. Также разлагалась и монгольская империя. Но ведь позже, так или иначе, вновь и вновь давали о себе знать подземные ручьи большой воли, неустрашимый, неумолчный шепот Белого Завета. Нет сомнений, что точно так же случится и на этот раз. <...> Никто не свободен от прошлого, от завета, от того, что сделало нас такими, какие мы есть, — скуластыми, безумными, непокорными, бескрайними, опьяненными волей и судьбой, миром и небом над ним, жестокими и нежными, русскими, вселенски, бесконечно, абсолютно русскими,

палящими нашей тенью, нашим вкусом, нашим Достоевским надломом пресные народы мира, пока еще ускользнувшие от нашей неминуемой, никогда не отклоняющейся от предначертанной судьбой траектории, свинцовой длани [4].

Итак, отдаленное прошлое с поправкой на духовный опыт русской литературы становится у Дугина основой неоевразийского проекта будущего.

Наиболее оперативно ответила на вызовы нового витка истории лирика, точнее лироэпика. Так, в стихотворении сибирского поэта-евразийца В. Берязева «Плеть» (2011) ожидание возвращения Власти после «опыта свобод» в «улусе Джучи», западной части Великой Монгольской империи, выражено в молчании и жесте скручивании бича-камчи жителем евразийской степи:

Молчи, сплечай хвосты камчи
Жгутом тяжёлым, сыромятным,
Безмолвьем, только миру внятным,
Боль пустоты перекричи.

Молчи, ещё в густой ночи
Не смолкли бляенье и топот,
Ещё не завершился опыт
Свобод в империи Джучи.

Молчи. И вновь во тьме сучи
Кошму разодранных столетий,
Вплечай свинчатку в тело плети
И угли шевели в печи.

Молчи, молчи, пока лучи
Сумеют степь дугою выгнуть,
Чтоб тень свою тебе настигнуть
Убойным посвистом камчи [5].

В нескольких лирических историософских поэмах-ораториях начала 1990-х гг. («Знамя Чингиса», «Мать Чингиса») Берязев изобразил гибель и неизбежное возвращение империи Чингисхана, чтобы остановить распад власти и торжество несправедливости:

Гляди же, гляди, Тэмуджин, на страну,
Объятую распреею древней,
Они заслужили большую войну –

Султаны, цари и царевны,
Эмиры, визиры, вожди и паши,
Князья, короли, хорезмшахи,
В них черные пропасти вместо души
И панцири вместо рубах [6. С. 53]

Однажды, однажды промчится герой
Меж сопok окрестных,
Омоет останки водою живой...
И войско воскреснет! [6. С. 65].

Возрождение Российской империи в этих поэмах – это нравственный, духовный императив таких категорий, как правда, честь, Держава, Небо, сердце и самопожертвование:

И если родится двуглавый орел
Под ратные громы,
Он сможет взлететь на небесный престол,
Лишь сердцем влекомый [6. С. 71].

Пусть новый Закон народится на свет:
Честь –
Хан –
и Держава!.. [6. С. 72].

Что если нам светлые дни суждены,
Где доблесть и вера
Рождают сиянье Державы святой... [6. С. 74].

Пусть с небом все соединятся
В один необъятный Улус,
Чтоб жить ради Правды стараться,
И Правда скрепит их союз!
Пусть станет над ханством великим
Великой души господин.
Орды племена стоязыхи
Лихих пусть не знают годин [6. С. 75].

Веселые силы,
Могучая власть,
Далекие клики!..
Да здравствует право сгореть и пропасть
За образ великий! [6. С. 74].

Лирические фрагменты поэмы «Знамя Чингиса» включают и молитву Чингисхану как «создателю» пространства России:

Хан мой, создатель простора российского,
Божия твердь!
От солнцевосхода до берега Понтийского
Душу отверзь!
Хан мой, крещенный сиротскою волею,
С ликом огня!
Хан мой, Чингис, из пучины бездолия
Вырви меня! [6. С. 50–51].

В обобщающей статье писателя-фантаста и историка Д. Володина была проанализирована достаточно подробно проблема «возвращения империи» в российскую фантастику в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Как считает автор, разные варианты имперского будущего России, которые выдвинула литература, были обусловлены критическим состоянием российского социума и государства: «Империя в конце 90-х приняла роль суперавторитета, обещающего спасение» [7].

«Спасение» от настоящего пришло из исторического прошлого, точнее, от одной из его бифуркационных развилок. В цикле повестей В. Рыбакова и И. Алимова «Евразийская симфония» (2000–2005), соединяющих в себе жанр «исторической альтернативы» с детективом и боевиком, Русь, Монголия и Китай в XIII в. образуют единое государство Ордусь. Авторы создали оригинальную модель Евразийской империи, в основу устройства которой положены конфуцианские принципы, религиозный синкретизм и державный «интернационализм». События повестей разворачиваются в вымышленной стране Ордусь, возникшей после объединения Руси и Орды, когда Александр Невский и хан Сартак заключили договор о дружбе. Легенда о «побратимстве» А. Невского и Сартака, как уже указывалось выше, восходит к исторической легенде, придуманной Л.Н. Гумилевым, который, в свою очередь, воспользовался фантазией забытого советского писателя А.К. Югова в его историческом романе «Ратоборцы» (1954).

В побратавшихся странах, к которым вскоре присоединился и Китай, одной из главных святынь становится Яса Чингисхана:

<...> оставленная в ризнице на вечное хранение святым и благоверным князем Александром Невским драгоценная, усыпанная яхонта-

ми и лалами, в серебряном окладе Великая Яса Чингизова. Она была подарена князю побратимом и соправителем его, присноблаженным ханом Сартаком, в честь договора о равноправном объединении Орды и Руси в Ордо-Русь. Александр тогда ответил Сартаку аналогичным по ценности и значимости подарком – ювелирным изданием «Русской правды» <...>. Так владыки обменялись главными юридическими документами, порожденными на тот момент их народами, – русские мастера в течение нескольких лет любовно создавали для татаро-монгольских братьев «Русскую правду», а монгольские, в свою очередь, с тою же тщательностью сотворили для русичей Ясу. Обмен этими документами при провозглашении объединения символизировал, что Ордо-Русь, которую вскоре никто уже и не именовал иначе, как просто Ордусью, создается не для каких-то временных, прагматических или просто военных нужд, но – как страна для спокойной и праведной жизни людей, как правовое государство, в котором будет править единственно диктатура закона [8. С. 87].

Другие потомки Чингисхана, которые, собственно, и создали Великую Монгольскую империю в ее максимальных размерах, изгнаны из Китая, как это и было в конце династии Юань: «...достославный Чжу Юань-чжан, первый император вдумчиво и проникновенно царствующей доселе династии Мин, на счастье всей нынешней Ордуси изгнал из Цветущей Средины потомков Хубилая со всем их воинством» [8. С. 92].

У Ордуси три столицы: Ханбалык (Пекин) на востоке, Каракорум в центре и Александрия Невская (Санкт-Петербург) на северо-западе. Ордусь состоит из собственно китайских территорий, неофициально называвшихся Цветущей Срединой (Чжунхуа), а также Внешней Ордуси, поделенной на семь «улусов», как в Монгольской империи. Несмотря на использование имен и названий с «монгольской» окраской (например, имя сыщика Багатура Лобо (древнемонгольское «богатырь». – В.М.), ноутбук «Керулен» (река в Монголии. – В.М.) в хронотопе, предметном мире, персонажной системе, наконец, в языке повествования повестей абсолютно доминируют китайская и русские составляющие. Это вполне объяснимо с точки зрения реального авторства: оба автора – профессиональные синологи, никак не связанные с монголоведением. Поэтому евроазиатская Империя у них получилась с сильным китайским уклоном, что, разумеется, обусловлено и объективно-историческим доминированием Китая в современном мире. В своей синофилии они отнюдь не одиноки: с конца 1990-х – в начале 2000-х гг. в футурологических произведениях

русской литературы все чаще изображается поглощение восточной части России или всего мира разрастающимся Китаем (см., например, в «Голубом сале», «Дне опричника» В.Г. Сорокина).

В конце благополучных 2000-х гг. сюжет о возвращении Чингисхана или его Монгольской империи в отечественной фантастике совсем не вызывает энтузиазма у авторов. Так, в рамках издательского межавторского проекта «Этногенез», скрепленного теорией этноса Л.Н. Гумилева, персонажами, относящимися к его роду и повторяющимися магическими предметами, в 2010 г. вышла трилогия С. Волкова «Чингисхан». Ее героя, Артема Новикова, ведет к месту усыпления еще не умершего Чингисхана под водопадом возле горы Хан-Тенгри магическая статуэтка серебряного коня. Герой время от времени впадает в трансперсональное состояние и «проваливается» в пространство и время Чингисхана, видит мир его глазами. Вдобавок и в настоящем он обнаруживает в себе бесстрашного и ловкого воина. Однако осознав, что он лишь инструмент возвращения Чингисхана в мир и историю, герой «побеждает» его и тем самым отказывается от своей миссии:

Передо мной вдруг, впервые за все время, открывается некая моральная сторона проблемы: а ведь если Чингисхан возродится к жизни, он начнет войну. Он этого хотел еще тогда, перед смертью. У войны этой будут благие, как он считает, цели. Но это будет война, и вести ее будут люди нашего времени, с нашим оружием. А значит – миллионы погибших, разрушенные города, выжженные земли, кровь и смерть. Нет [9. С. 132].

Я сумел победить, пересилить мощь коня – и Чингисхана [9. С. 147].

Таким образом, имперская миссия обоих героев оказывается невыполнимой, а возвращение самой империи откладывается на неопределенное время.

В конце 1990-х гг. настоящим новым словом как в отечественной фантастике, так и в элитарной литературе стал роман «исторической альтернативы» петербургского «фундаменталиста» П. Крусанова «Укус ангела», в котором инфернализированный герой, Иван Чума, воссоздает мощь Российской империи, объявляя войну Западу. Иван – сын русского офицера и китайки: «...кровь, признаться, у него редкая – кровь двух евразийских империй» [10. С. 97]. Слияние русского и китайского имперского генотипов стало причиной рож-

дения нового типа сверхнационального героя, у которого одна цель – любой ценой создать новое имперское государство.

Однако в 2013 г. в романе того же автора «Ворон белый» мы встречаемся с новой версией евразийской империи и будущего России. Она вбирает в себя черты всех номадических империй Евразии (скифской, гуннской, монгольской), получая обобщенное наименование «Русская кочевая империя»: «Однако сняться с места для нас, граждан кочевой империи, и впрямь не составляло труда» [11. С. 52]. Одной из первых жертв Желтого Зверя становится бригад-майор 1-й Сибирской эскадры военно-воздушного флота кочевой Русской империи Буй-тур Глеб, истинный евразиец:

Империи грозила опасность – он ощущал сгущение беды тонким чутьем, и от этого беспокойного чувства номадическая кровь, разом вспыхнув, бежала по его жилам, как дорожка горящего пороха. Ведь он, кочевник духа, правил Евразией – таковы его обязанность и долг [11. С. 121].

Будучи русским по крови, бригад-майор, присвоивший себе престранство Евразии... [11. С. 122].

На этот раз, в отличие от «Укуса ангела», автор акцентирует русскую (древнерусское имя) и вместе с тем евразийскую природу персонажа.

На фоне поисков героями апокалипсического Желтого Зверя начинается война между Русской кочевой империей и Китаем, в ходе которой Россия выступает как защитница Монголии от китайской экспансии: «Русская империя объявила Пекину ультиматум: если в течение восемнадцати часов боевые действия не будут остановлены, китайские войска не удалены из Монголии и не отведены из Синьцзяна и от пограничных берегов Аргуни и Амура, Россия оставляет за собой право прокочевать от своих юго-восточных границ до Южно-Китайского моря...» [11. С. 223]. Крусанов дополняет неоевразийскую теллуократию вполне оригинальной русской аэрократией, производной от былого тенгрианства Монгольской империи, и казачьим номадическим этосом:

<...> в воздухе безраздельно господствовали крылатые казаки. Эскадрильи летающих монахов, на которые духи Срединной империи возлагали большие надежды, против них оказались – ничто, как пух против ветра. Аэрократия – такова была геополитическая идея русского евразийства, поскольку небо, по голубым полям которого вольно текут воздушные реки, сплавляя в низовья полные дождя

облака, подобно Евразии, не знает границ. И доктрина владычества в небе демонстрировала завидную состоятельность как в сравнении с западной талассократией, так и в споре с ориентальной концепцией земляного господства. Ведь небо покрывает и море, и материк, как Божья воля покрывает правых и неправых [11. С. 225].

Очевидно, что Крусанов по-иному моделирует будущее и настоящее Русской империи, склоняясь к ее номадической, протомонгольской природе.

Итак, Российская империя и ее исторические варианты представляют продолжением Монгольской империи. Эти государственные образования находятся на территории ее бывшего Западного улуса или частично совпадает с ней. Естественно, что эта имперская преемственность предстает как угрожающая своим соседям (как «ордынцы»-русские в современной украинской публицистике и блогосфере) или становится источником пространственного хаоса. Так, в повести В. Отрошенко «Дело об инженерском городе» (2004) Российская и Монгольская империи сосуществуют в настоящем в рамках единого евразийского пространства «степи» и фрагментации слишком громоздкой Российской империи XIX в.

Два инженера-иностранца – француз Бельтрами и итальянец из Венеции Гаспаро Освальди, планируя строительство казачьей столицы – Новочеркасска, в донской степи в начале XIX в. обнаруживают загадочный движущийся город, который отсутствует на географических картах. Освальди попадает внутрь странного города. Последний оказывается Новым Каракорумом – кочующей столицей гигантской монгольской империи во главе с императором Туге. Город находится в постоянном движении, но источник этого движения неизвестен. На разных картах, которые обнаруживают персонажи повести, пространства Монгольской и Русской империй совпадают, как бы накладываясь друг на друга: «Она (карта. – В.М.) показывала ту же область мира, которую занимает ваша империя. Однако латинская надпись на карте сообщала о другой империи» [12. С. 213].

В повести обе империи время от времени встречаются в степном пространстве или сближаются до видимой дистанции. Обитатели Нового Каракорума и не подозревают о существовании Российской империи:

Великий император Туге отвечает тебе: Новый Каракорум кочует в настоящее время по территории улуса Джучи – так называется испокон веков западная часть империи [12. С. 204].

<...> император Туге пребывает в полной уверенности, что он управляет огромной частью мира. Нет никаких сомнений, что империя существует только в его воображении [12. С. 205].

Император горестно посетовал, что империя слишком обширна. Чрезвычайно обширны даже отдельные ее части, называемые «улу-сами». Они удалены друг от друга настолько – «северные от южных, западные от восточных», что бедному императору порою бывает трудно поверить в их реальность, когда он кочует со своей походной столицей где-нибудь в центре империи. <...> Империя, сказал император, должна быть одинокой и безграничной, как одиноко и безгранично небо. Впрочем, вот его слова в точности: На этих пространствах, что лежат под вечным небом между восточным и северным океаном и тремя западными морями, была, есть и будет только одна империя – великая монгольская [12. С. 215].

Непостижимым образом монгольская «императорская почта» доставляет в «самый умышленный из городов русских» – Петербург – дневник Освальди: «Распечатав пакет, Денисов обнаружил в нем журнал Гаспаро Освальди и записку де-Волланта: «Сие было получено по почте тому одиннадцать лет назад» [12. С. 218].

Как и любая другая империя, монгольская в повести предстает и с трудом обозримым бюрократически-бумажным пространством, действия которого в сюжете произведения синхронизированы с фантомом уголовного «дела об инженерском городе», заведенном в атаманской канцелярии: «В императорской канцелярии непрерывно трудятся над бумагами сотни писцов и всевозможных чиновников; снаряжаются императорские курьеры; издаются указы и предписания; рассылаются письма и извещения... Кому? Куда? В пространство империи! В то фантастическое пространство, о котором император знает лишь одно – что оно «очень обширно» [12. С. 206].

В интервью Отрошенко приложению «Независимой газеты» ExLibris от 24 апреля 2005 г. писатель обстоятельно разъяснил актуальный аллегорический смысл своего Нового Каракорума и Монгольской империи:

Смысл такой: действительно, то пространство, которое занимала сначала Российская империя, потом – Советская, а сейчас – Российская Федерация со странами СНГ, впервые в единую государственную систему было организовано монголами <...>. Ключевая идея монголов-чингизидов – в подчинении человека имперской идее. Многие вещи, начиная с традиции приношения дани любым

чиновникам и заканчивая низкой ценностью человеческой жизни, – связаны именно с этой параллельной Монгольской империей, которая все время накладывается на нашу российскую реальность. В повести, собственно, изображены эти две империи <...> Император, находящийся в неизвестно как возникшем и кочующем Новом Каракоруме, издает указы, рассылает по всей империи гонцов, пребывая в полной уверенности, что он ею управляет. Атаман сидит в своем черкасском дворце, изолированном от мира бурями, наводнениями, катастрофическим ветром. Где-то далеко, в Петербурге, есть царь Александр, который тоже олицетворяет власть как вещь в себе. Гигантское пространство чревато тем, что вроде бы это и единое государство, но связи в нем нарушены. Нет связи с Петербургом, невозможно доехать и до Нового Каракорума, потому что после наводнения степь сковал страшный гололед (и это, кстати, единственный невыдуманный факт в этой повести: именно в 1804 году, когда происходят описываемые события, было сначала наводнение, а потом вся степь внезапно замерзла). Монгольский император вообще находится в своем замкнутом мире – безвыходном Каракоруме [13].

Итак, для самого автора это сатирический гротеск, продолжение «Истории одного города».

В современной российской «фолкхистории» (термин предложен Д. Володихиным) отброшены традиции не только евразийства, но и русской исторической науки, советских исторических романов (В. Ян, И. Калашников и др.), посвященных созданию Монгольской империи. На первый план выходит сюжет «поглощения»: Российская империя не просто наследует Монгольской, последней, оказывается, не существовало ни в географии, ни в истории. Историки-фантазеры отождествляют историческую Монголию с «ордынской» частью Руси или тюркским сверхгосударством. Этот сюжет тоже своего рода «исторической альтернативы» разворачивается в псевдо-исторической книге Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко «Империя» (2012), в публицистике одного из лидеров современной массовой литературы А. Бушкова («Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» (1996), «Чингисхан. Неизвестная Азия» (2006)). В этих повсюду увлекательных опусах, якобы разбивающих аксиомы официальной историографии, отрицается само историческое существование либо монголов, либо Монгольской империи, они становятся частями исторической Московской Руси. Уровень развития Монгольской империи неправомерно сравнивается со сравнительно слаборазвитой современной Монголией.

Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко так суммировали свою концепцию:

По нашей гипотезе Орда = Рать – не есть иностранное образование, захватившее Русь извне, а есть просто русское регулярное войско, входившее неотъемлемой составной частью в древнерусское государство. 1. «Татаро-монгольское иго» было просто периодом военного управления в русском государстве. Никакие чужеземцы Русь не завоевывали. 2. Верховным правителем являлся полководец-хан = царь, а в городах сидели гражданские наместники – князья, которые обязаны были собирать дань в пользу русского войска, на его содержание. 3. Таким образом, древнерусское государство представляется единой Великой = «Монгольской» империей, в которой было постоянное войско, состоящее из профессиональных военных (Орда) и гражданская часть, не имевшая своих регулярных войск. Поскольку такие войска уже входили в состав Орды = Рати. 4. Русско-Ордынская империя просуществовала с XIV века до начала XVII века [14].

Авторами широко используются квазиэтимологические штудии, которые позволяют им русифицировать монгольские имена и топонимы. Подобные трактовки отталкивают Россию от ее старинного геополитического союзника, лишают Монголию ее важнейшего исторического мифа и культурного героя, дают козыри нашим сегодняшним оппонентам (см. массированное использование пейоративов «монголкацапы», «ордынцы», «орда» в сетевой российско-украинской полемике).

Разоблачения псевдоисториков-«хронологистов» использовал в своей первой публицистической книге будущий «топ-автор» отечественной массовой литературы А. Бушков. В книге «Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» одну из глав («О том, что известно всем») он посвятил, по сути, популяризации точки зрения Носовского и Фоменко:

Никакие «монголы» не приходили на Русь из своих степей. 2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими задолго до пресловутого «нашествия». 3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батыя как раз и выступают Ярослав с Александром Невским [15. С. 332].

Позже он отчасти поменял свои взгляды, продолжая настаивать на том, что исторические монголы к Великой монгольской империи никакого отношения не имеют, а ее саму создали тюркские народы:

<...> в Чингисхана я верю. В его военные походы – тоже. Верю и в его потомков, в их свершения. Не верю и ни за что не поверю только в одно: в то, что все эти охватившие чуть ли не полмира битвы и потрясения устроил кочевой народ под названием *монголы*, пустившийся «к последнему морю» с территории *Монголии* [16. С. 18].

Итак, очевидно, что прямая преемственность России по отношению к Великой монгольской империи для отечественной литературы чужда: ее историческое прошлое и будущее носит гетерогенный характер, включая в себя акцентированные черты Китайской империи или обобщенный образ евразийской кочевой империи. Это можно объяснить как сохраняющимся негативным отношением к завоеваниям Чингисхана в русской культуре, так и зависимым геополитическим статусом нынешней Монголии. В популярных отечественных версиях русской истории все больше распространяется полное отрицание самой возможности существования Монгольской империи. Модель же сосуществования двух империй на одной территории возможна лишь в сатирическом гротеске и в рамках определенного места и времени (придонские степи в начале XIX в. в повести Отрошенко). Наибольшие возможности для литературного освоения евразийского вектора России предоставляют современные лирика и лироэпика, в которых автор, не утруждая себя детализацией, апеллирует к общей духовной сущности евразийского государства.

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
2. *Ян В.* Чингисхан. М.: АСТ, 2015. 416 с.
3. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gumilev-lev/32.htm> (дата обращения: 10.10.2015).
4. *Дугин А.* Чингис-хан и монголосфера (по мотивам книги калмыцкого евразийца Хара-Давана). URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=542> (дата обращения: 10.10.2015).
5. *Берязев В.* И горизонт неохватен и рдян... // День литературы. 2011. № 1 (173). URL: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=235 (дата обращения: 10.10.2015).
6. *Берязев В.* Знамя Чингиса: Книга поэм. М.: Водолей, 2013. 224 с.

7. Володихин Д. Неоампир. Империя в российской фантастике. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-05-08/3_neoampir.html (дата обращения: 10.10.2015).
8. Хольм ван Зайчик. Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игоре. СПб.: Азбука-классика, 2005. 800 с.
9. Волков С. Чингисхан. Кн. 3. Солдат неудачи. М.: АСТ, 2011. 224 с.
10. Крусанов П.В. Укус ангела: роман. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 288 с.
11. Крусанов П.В. Ворон белый: История живых существ. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. 320 с.
12. Отрошенко В. Персона вне достоверности. М.: FreeFly, 2005. 224 с.
13. Отрошенко В. «Самый жизнеспособный жанр – это книга». URL: http://www.litkarta.ru/dossier/voznenskiy-otroshenko-interview/dossier_9286/ (дата обращения: 10.10.2015).
14. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. URL: <http://lib.ru/FOMENKOAT/imperia1.txt> (дата обращения: 10.10.2015).
15. Бушков А. Россия, которой не было. СПб.: Нева, 2007. 576 с.
16. Бушков А. Чингисхан: Неизвестная Азия. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 544 с.

THE MONGOL EMPIRE IN MODERN RUSSIAN IMPERIAL PROJECTS: FANTASTIC FICTION, PUBLICISM, FOLK HISTORY

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 181–197. DOI: 10.17223/24099554/7/11

Valery V. Maroshi, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maroshi@mail.ru

Keywords: Eurasia, empire, Russian, Mongolian, alternative, modern, literature.

The role of the great Mongolian Empire in the formation of the Russian Empire was studied in the 1920s by the Eurasianists and Lev Gumilev, and from the early 1990s – by the Neo-Eurasianists. During the crisis and the collapse of the Soviet Union, the historical facts ceded to the poetic rhetoric and the need for a new gathering of lost territories. One of the first who responded to the challenge was a Siberian Eurasian poet V. Beryazev. The return of Genghis Khan in his lyrics and poems is determined primarily by the moral imperatives of justice and statehood, ethos of allegiance and loyalty. The Russian fantasy fiction of the late 1990s formed a narrative of the return of Empire in an alternate past or near future. The Chinese Empire becomes the strongest rival of the Mongolian, as for example, in the cycle of novels *The Eurasian Symphony* by V. Rybakov and I. Alimov, in which China and Mongolia unite with Russia into a single state named Ordus. In *The White Raven* by P. Krusanov, Russia is represented as a Eurasian nomadic Empire, starting war with China which attempts to annex Mongolia. In *The Engineer's Town* by V. Otroshenko, Russian and Mongolian empires coexist in the present, in parallel time-worlds within the single Eurasian space of southern steppes and fragments of the cumbersome Russian Empire of the nineteenth century. From time to time both empires encounter in the steppe or approach each other too close. This phantasmagorical writing should be viewed rather in the tradition of satirical grotesque and absurdism of Russian authorities in literature. The pseudo-historical *The Empire* by G.V. Nosovsky and A.T. Fomenko as well as journalism of one of the leaders of modern mass-literature A. Bushkov (“Russia that did not exist: Riddles, versions, hypothesis”, “Genghis Khan. The Unknown Asia”) deny the historical existence of either the Mongols or the Mongol Empire, which become part of the historical

Muscovy. The level of development of the Mongol Empire is incorrectly compared to modern Mongolia. The authors widely use quasi-etymological studies that allow russification of Mongolian names and toponyms.

References

1. Trubetskoy, N.S. (2007) *Nasledie Chingiskhana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow: Eksmo.
2. Yan, V. (2015) *Chingiskhan* [Genghis Khan]. Moscow: AST.
3. Gumilev, L.N. (n.d.) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. [Online] Available from: <http://www.bibliotekar.ru/gumilev-lev/32.htm>. (Accessed: 10th October 2015).
4. Dugin, A. (n.d.) *Chingis-khan i mongolosfera (po motivam knigi kalmyskogo evraziyska Khara-Davana)* [Chingis-Khan and the Mongolosphere (based on the book by the Kalmyk Eurasianist Khara-Davan)]. [Online] Available from: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=542>. (Accessed: 10th October 2015).
5. Beryazev, V. (2011) *I gorizont neokhvaten i rdyan...* [And the horizon is endless and red...]. *Den' literatury*. 1(173). [Online] Available from: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=235. (Accessed: 10th October 2015).
6. Beryazev, V. (2013) *Znamya Chingisa: Kniga poem* [The Banner of Genghis: The Book of Poems]. Moscow: Vodoley.
7. Volodikhin, D. (n.d.) *Neoampir. Imperiya v rossiyskoy fantastike* [Neoampir. The Empire in Russian Science Fiction]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-05-08/3_neoampir.html. (Accessed: 10th October 2015).
8. Zaychik, H. van. (2005) *Delo zhadnogo varvara. Delo nezaleznykh dervishey. Delo o polku Igoreve* [The case of a greedy barbarian. The case of an unrelieved dervish. The case of Igor's campaign]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
9. Volkov, S. (2011) *Chingiskhan. Kniga 3. Soldat neudachi* [Genghis Khan. Book 3. Soldier of Failure]. Moscow: AST.
10. Krusanov, P.V. (2013a) *Ukus angela* [The Bite of an Angel]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
11. Krusanov, P.V. (2013b) *Voron belyy: Istoriya zhivyykh sushchestv* [The White Raven: A Story of Living Beings]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
12. Otroshenko, V. (2005) *Persona vne dostovernosti* [The Person Beyond Credibility]. Moscow: FreeFly.
13. Otroshenko, V. (n.d.) *Samyy zhiznesposobnyy zhanr – eto kniga* [The most viable genre is a book]. [Online] Available from: http://www.litkarta.ru/dossier/vozneshenskiy-otroshenko-interview/dossier_9286/. (Accessed: 10th October 2015).
14. Nosovsky, G.V. & Fomenko, A.T. (n.d.) *Imperiya. Rus', Turtsiya, Kitay, Evropa, Egipet. Novaya matematicheskaya khronologiya drevnosti* [Empire. Russia, Turkey, China, Europe, Egypt. New mathematical chronology of antiquity]. [Online] Available from: <http://lib.ru/FOMENKOAT/imperia1.txt>. (Accessed: 10th October 2015).
15. Bushkov, A. (2007a) *Rossiya, kotoroy ne bylo* [Russia that did not exist]. St. Petersburg: Neva.
16. Bushkov, A. (2007b) *Chingiskhan: Neizvestnaya Aziya* [Genghis Khan: The Unknown Asia]. Moscow: Olma Media Grupp.